

An abstract painting featuring a vibrant palette of red, yellow, and blue. The composition is dominated by sharp, angular geometric shapes, possibly representing mountains or crystalline structures, which are layered and overlapping. Interspersed among these sharp forms are fluid, wavy black lines that create a sense of movement and depth. The overall effect is one of dynamic energy and complex visual texture.

Севак
Арамаз

ГОРА СОЛНЦА

роман

Севак Арамазд

Гора Солнца

Серия «Время читать! (Время)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41456837
Гора Солнца : роман / Севак Арамазд: Время; Москва; 2019
ISBN 978-5-9691-1853-9

Аннотация

Жанр своей новой книги Севак Арамазд определил как роман. Но можно ли в полной мере считать романом повествование о том, как проводит каникулы мальчик из затерянного в горах Армении маленького села? Он ходит по склонам и ущельям за стадом овечек, бегает-играет с ватагой сверстников, слушает рассказы отца, помогает маме, сочиняет стихи, скачет далеко-далеко на коне с хозяином здешних мест – полевым сторожем, чтобы увидеть гору Солнца... Первые радости, первое настоящее горе... В этой немудрёной повседневности автор мягкими, но точными мазками рисует извечную картину познания маленьким человеком мира и самого себя, – и в этом смысле всё, что происходит с Арегом за три летних месяца, без сомнения можно назвать началом его романа с жизнью.

Содержание

Два слова (Вместо предисловия)	5
Глава первая. Ущелье Фиалок	7
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Севак Арамазд Гора Солнца

© Севак Арамазд, 2019

© Альберт Налбандян, перевод, 2019

© «Время», 2019

* * *

Два слова (Вместо предисловия)

После долгих лет скитаний я наконец вернулся в тот дом, где прошло моё детство. Всё это время меня не покидало ощущение, что жизнь моя вот-вот закончится и я не успею его увидеть. Дверь была заперта. Трижды я постучался, но никто не ответил. Заглянул в окно – в нём мелькнуло моё бледное отражение. Собрался постучать снова – и вдруг словно чья-то невидимая рука распахнула передо мной дверь. С трепетом в сердце вошёл я внутрь, полагая, что сейчас из полумрака навстречу мне выбежит моё детство и я с безграничной тоской обниму его и крепко-крепко прижму к груди, однако дом оказался пуст. Не было никого. Со дня моего ухода ничья рука не прикасалась к находящимся в нём предметам. Всё оставалось на своих местах. Не было только его. Подавленный, опустив голову, вышел я во двор и уже хотел уйти навсегда, как вдруг почувствовал за спиной чьё-то присутствие. Оглянулся – под садовой изгородью в неестественно ярких лучах осеннего солнца неподвижно сидел какой-то старик и смотрел прямо перед собой. Холодок пробежал у меня по спине: показалось, что это мой умерший отец сидит и ждёт моего возвращения, однако, подойдя ближе, понял, что это совершенно незнакомый мне человек, которого я никогда прежде не встречал. Я всмотрелся в него, и меня поразила безжизненность его взгляда, устремлённо-

го в одну точку. Старик не откликнулся на моё приветствие, не ответил ни на один вопрос. Точно был слеп и глух. Меня охватила странная слабость, и я почувствовал, что не могу покинуть этот дом. Как замороженный молча сел рядом со старцем – и началась эта история.

Автор

Глава первая. Ущелье Фиалок

1

День незаметно клонился к закату.

Тень круто взметнувшейся впереди горы, поначалу казавшаяся случайным фиолетовым пятном на её покрытом скальными морщинами лбу, медленно скользя, перешла реку, начала осторожно карабкаться вверх по противоположному склону Ущелья Фиалок и чуть позже стремительно разрослась, вобрав в себя всё окрест. Воздух обесцветился, оттенки размылись, и небо словно опустилось на одну ступень. Припозднившаяся дикая пчела, поджарая и узкокрылая, трижды молниеносно облетела голову Арега, присела ему на спутанные на затылке волосы, слегка перевела дух, а затем, издав пронзительный звук, взлетела и растворилась в воздухе. Позади него серая мышка нерешительно приблизилась к его голой пятке, молча вытянула мордочку, обнюхала, потом проворно повернулась и убежала, спряталась в своей норке, что темнела в траве чуть в стороне. Большой зелёный сверчок вскочил ему на колено, оттуда – мимо его уха – перепрыгнул на куст шиповника и приземлился на первом попавшемся листке. Арег и тут ничего не почувствовал.

Сидя на торчащем из травы, точно вместе с травой выросшем белом камне, он не мигая смотрел на землю: прямо у его ног, рядом со свежей метёлкой пырея, покачивались от лёгкого ветерка две астры: одна на длинном и слегка изогнутом стебле, а другая, поменьше, на нежной и тоненькой ножке. Большая уже спрятала свой пестик, готовясь ко сну, в то время как маленькая, будучи, по-видимому, совсем ещё юной, стояла открыто и прямо, не догадываясь о том, что наступает вечер. Арег сосредоточился именно на этой маленькой астре и затаил дыхание, стараясь не пропустить тот миг, когда она закроет свои лепестки, однако, увы, ничего не происходило. Ещё до начала зимы отец сказал ему, что на ночь астры смыкают лепестки, а на заре раскрываются снова, и Арег решил непременно увидеть этот момент.

– Цветы же не люди, разве они могут засыпать и просыпаться? – усомнился он тогда.

– Да, дорогой Арег, – улыбнулся в ответ отец, – все они люди: камень, дерево, собака, цветок...

Арег изумился, подумал, что это шутка, но в то же время какое-то неведомое чувство подсказало: отец говорит правду. И вот сейчас он намеревался выяснить наконец, каким образом цветок становится человеком. Может быть, смыкая свои лепестки, он превращается в человека, ложится на траву, закрывает глаза и спит, а когда наступает утро, снова делается цветком? И этот человек-цветок представлялся Арегу точно таким, как он сам: жилистым, крепким и крупным

мальчиком с грустными глазами.

– Ну же, закрывайся! – не выдержал он и шёпотом обратился к астре, стараясь изо всех сил не моргнуть: боялся, что цветок закроется именно в этот миг, а он его упустит. От его дыхания астра слегка дрогнула, потом снова стала беспечно покачивать своими раскрытыми лепестками. Но нет, эта маленькая астра слишком нежная, чтобы быть человеком; Арег подумал, что она никогда не сможет стать Арегом, потому что... И неожиданно сердце его сжалось от какого-то необъяснимо сладостного волнения, которое охватывало его каждый раз, когда он встречал в школе Астхик¹. «Вот в Астхик она точно может превратиться!» – подумал Арег и ужасно обрадовался тому, что Астхик не мальчик, а девочка, которую он любит. И он снова мысленно увидел её перед собой: длинные бархатные волосы, длинные ресницы над сияющими глазами, красивый нос, красивые губы, круглое личико и необычно белая кожа. «Завтра увижу Астхик и скажу: “Я люблю тебя”», – произнес вслух Арег, и это показалось ему настолько простым, что он удивился: почему раньше не осмелился на такое? Твёрдо решил, что завтра скажет Астхик эти слова, но лишь после того, как старенькая учительница армянского привычно вытрет свои испачканные мелом маленькие пальцы и в очередной раз похвалит: «Арег, отлично!» Арег победно улыбнулся, вздохнул всей грудью, пе-

¹ Женское имя, означающее «звёздочка». Ассоциируется с армянским названием астры – «звёздный цветок» (здесь и далее примеч. переводчика).

реполюясь чувством радости и гордости, и вдруг, опомнившись, сообразил, что упустил из виду астру. Быстро глянул под ноги и не поверил глазам: цветок закрылся. Всего мгновение назад он легко и улыбочиво покачивался на ножке, и вот уже молчит, замкнутый и отчуждённый. Какое-то время Арег пристально смотрел на цветок, словно ожидая чего-то, но тщетно: астра была закрыта, и, казалось – навсегда. Он понял, что непростительно упустил момент. Наверное, уже никогда в жизни ему не посчастливится увидеть, как закрывается астра, и в груди поднималось горькое чувство бессилия. Сердце у него сжалось: слова «любовь», «любить» – все не лёгкая и приятная игра, как, например, прятки, а что-то неуловимо ускользящее, как то мгновение, когда смыкаются лепестки. Астхик отвергнет его, скажет нет. Показалось даже, что он услышал это «нет», и так смутился, что краска залила щёки, однако тут же вспомнил, что он сильнее всех мальчишек, и живо представил, как в углу школьного двора на удивление легко укладывал на лопатки своих соперников. Но это воспоминание странным образом не только не развеяло, но ещё больше усугубило разочарование. Он почувствовал себя пропащим человеком.

– Эй, парень, проснись, твои ягнята слопали всё поле! – вдруг, точно отдалённый гром, коснулся его слуха чей-то басистый голос, эхо которого волнами прокатилось в гигантской пустынности Ущелья Фиалок.

Застигнутый врасплох, Арег встрепенулся и стал озирать-

ся по сторонам: никого не смог разглядеть на противоположном медно-рыжем каменистом склоне, но тут же понял, что кричал полевой сторож Ванатур. Потом заметил, что ягнят рядом и в самом деле нет, и ужаснулся. Он быстро поднялся с белого камня, на котором сидел, и кинулся вверх по холму – туда, где тянулись узкие полосы засеянной ячменём земли, разделённые островками травы, обильно пробившейся между булыжниками. Ещё не успев обогнуть куст дикой розы, вспомнил, что оставил свою книгу рядом с белым камнем, и рванулся было назад, но тут снова прогремел голос Ванатура, на сей раз – словно с небес:

– Парень, книга никуда не убежит, говорю тебе: ягнята затоптали ячмень. Или мне самому прийти?..

У Арега сердце оборвалось при мысли, что сторож расскажет о его проступке и опозорит его перед отцом. Стремглав подбежал он к камню, подхватил на ходу книгу и хворостину, краем глаза заметил, как на противоположном склоне ущелья от длинной тени нависших скал отделилась белая фигура Ванатура: сидя на белом коне, он одной рукой держал уздечку, а другой размахивал в воздухе чем-то странным, похожим на длинную изогнутую дубину. Ванатур находился так далеко, что с этой стороны ущелья на вид казался не больше орла, усевшегося на уступ скалы, но ведь хорошо известно, что он так же зорек, как орёл, и ничто не укроется от его глаз.

– Иду, дедушка, я за хворостиной вернулся!.. – крикнул

Арег в ответ и уже сделал было шаг в направлении холма, когда перед ним сверкнула, словно плывущая над землёй, его любимая астра, которую он в спешке чуть не затоптал. Неимоверным усилием ему в последний миг удалось отпрянуть, отвернуть в сторону. Он неловко свалился на бок, больно ударившись коленом об острый камень, спрятавшийся в траве, однако быстро вскочил на ноги и тревожно оглянулся: астра стояла, как была, кротко склонив головку в сторону заходящего солнца. Он любил, любит и вечно будет любить Астхик – независимо от того, скажет она «да» или «нет»: он готов ко всему. С чувством достойно принявшего своё поражение человека глянул на разбитое колено и великодушно игнорировал ноющую боль: так даже приятней, убедительней. На ходу потеряв ушибленный бок, положил книгу под мышку и, крепко сжав хворостину и уже больше ни на что не отвлекаясь, устремился вверх по склону.

– Бел-бел-бел, – остановившись на краю поля, позвал он сначала ягнят, а затем телёнка: – Бжо-бжо-бжо!.. – Однако клич его замер, не дождавшись никакого отголоска.

Ягнят не видно, но телёнок Чернуш – большой, его нельзя не заметить. Арег внимательно осмотрелся и наконец обнаружил их следы: протоптанная извилистая дорожка тянулась через поле к видневшимся впереди высоким кустам на каменном островке. Он ступил на поле и сразу же ощутил своеобразный, словно процеженный аромат, исходящий от остроконечных листьев озимого ячменя. В густой зелени,

обрамлявшей каменный островок, он вскоре разглядел спины своих ягнят с мягкими колечками шерсти, а потом увидел и телёнка, его круглую, слюнявую мордочку и проворный длинный язычок, которым он лениво и как бы нехотя подтягивал к себе стебли травы и уплетал, аппетитно похрустывая. Самый большой из ягнят, молодой барашек с только что пробившимися рогами, жадный и строптивый, перестал жевать и дерзко уставился на Арега, точно недовольный тем, что ему помешали насладиться сочным лакомством. Его нахальный вид выдавал в нём зачинщика этого проступка. Арег выдворил этого барашка с поля первым.

– И тебе не совестно? Постыдись, постыдись! – попенял ему Арег теми же словами, какими иногда укорял его отец, а затем вывел с поля остальных ягнят и телёнка и погнал их вниз.

– Чернуш, – обратился он к телёнку, – назначаю тебя сторожем, присматривай за ними, больше не подпускай к полю, пока я буду искать того непутёвого. – Арег имел в виду их единственного козлёнка, своего ужасно бестолкового любимчика: глазом не успеешь моргнуть, как его точно ветром сдуло – то он на дне ущелья, то на вершине горы. – Ты понял, Чернуш?

Телёнок промолчал; наклонив голову, он безучастно посмотрел вслед уходящему Арегу, потом вытянул морду и стал обнюхивать книгу и хворостину. Ясное дело: хворостина и есть хворостина, ею погоняют, но книга не похожа ни на

один известный ему предмет, даже на тот плоский камень, с которого он слизывает соль, насыпанную для него людьми. Чтобы убедиться в этом, Чернуш коротко лизнул своим шершавым языком буквы на обложке – и вдруг вспомнил материнское вымя, ощутил тугие соски и головокружительный вкус молока; он вздёрнул голову, устремил взгляд куда-то поверх ущелья и издал короткое и тоскливое мычание.

Арег обошёл все каменные островки на ячменных полях, но козлёнок так и не нашёл. С минуту он постоял в растерянности, потом, подминая траву, поднялся на макушку последнего островка и посмотрел вниз, в глубь соседнего лога. Там на противоположном берегу мелкой речки, на гребне небольшого утёса, окружённого густыми зарослями шиповника, он обнаружил своего козлёнка, который, издали заметив хозяина, махнул куцым хвостом и умоляюще заблеял.

– Дурачок! – недовольно фыркнул Арег и побежал вниз по склону.

Перейдя речушку, он несколько раз обошёл утёс, но не сумел отыскать прохода в непролазных зарослях. Как козлёнок проник внутрь сквозь эту плотную колючую стену и оказался на вершине утёса, понять было невозможно. Он прижился к камням, и его тонкие, хрупкие ножки подрагивали от страха.

– Как влез, так и спускайся! – приказал Арег.

Козлёнок глянул на него сверху и отозвался жалобным блеяньем: «Ме-е...»

Арег махнул рукой, втянул голову в плечи, лёг на землю и осторожно пополз сквозь кустарник. Весь исцарапанный, он вскоре вылез по другую сторону зарослей, поднялся на ноги и, отряхнувшись, стал пытаться вскарабкаться на утёс. Однако в своей верхней части эта каменная глыба оказалась такой гладкой, что продолжать восхождение было невозможно. Тогда Арег опёрся ногой на небольшой выступ, напрягся всем телом, протянул руку и, кое-как ухватив козлёнка за заднюю ножку, стал подтягивать его к себе, но тот заупрямился и, горестно вскрикнув, застыл на месте, оцепенев от ужаса. Арег повторил попытку, встал на цыпочки, вытянулся и на сей раз так дёрнул козлёнка за ногу, что тот упал на живот, распластался и начал сползать, осыпая Арега щебнем; при этом один из острых обломков врезался ему в щиколотку. Арег вскрикнул от боли и чуть не свалился вместе с козлёнком, но неимоверным усилием сумел удержаться; боком прижавшись к скале, он другой рукой схватил козлёнка за передние ноги и стащил его себе на плечи, после чего осторожно спустился. Когда наконец он снова продрался сквозь кусты шиповника и опустил козлёнка на землю, грудь и руки у него были ободраны в кровь; боль была такая, словно его искусал целый рой разъярённых ос. Мордочка и ноги козлёнка тоже были исцарапаны; он так перепугался, что не смел шевельнуться. Потерянный, жалкий, он дрожал всем телом. Арег взял его на руки, обмыл водой из речушки его раны, точь-в-точь как заботливая мама моет грязнулю-сына.

– Ну, теперь иди, – перебравшись на другой берег, Арег опустил козлёнка на тропинку и шлёпнул ладонью по его пушистому хвосту. Козлёнку не было и двух месяцев; совсем ещё несмышлёныш, он не знал, как ему надо себя вести после всего, что случилось: может ли он снова прыгать и резвиться, бегать куда ему вздумается, шалить или он должен спокойно ждать, пока Арег решит, как ему следует впредь поступать? Он сделал несколько неуверенных шагов, потом остановился, выжидая, и, повернув голову, посмотрел назад кротким и невинным взглядом: нет, пожалуй, я лучше наблюдаю, как умывается Арег. Арег улыбнулся. Наклонившись над водой, он увидел в ней своё отражение и очень понравился самому себе. Он – герой. Всё, что он делает, он делает на глазах у Астхик, ради неё, словно она незримо стоит рядом, следит за каждым его шагом и восхищается им. Арега обрадовала мысль, что сейчас он уже достоин Астхик, в нём крепла надежда, что теперь-то она не останется к нему равнодушной.

Ведя за собой козлёнка, Арег выбрался из лога и, миновав ячменные поля, увидел, что его ягнята улеглись в тени невысокого бугра. Прилепившись друг к другу, они мирно дремали, а телёнок, лёжа чуть в стороне, рядом с хворостиной, быстро помахивая головой, отгонял назойливую мошкарку и безмятежно жевал свою жвачку, полускрыв глаза. Его хвост покоился на книге Арега. Арег рассмеялся.

– Братец Чернуш, – упрёкнул он телёнка, – книги читают

не хвостом, а глазами. – Наклонившись, Арег бережно приподнял и передвинул телячий хвост, освободив книгу. Телёнок хотел было поднять глаза на Арега, но поленился и продолжал жевать как ни в чём не бывало. Надоел ты мне со своей книгой, откровенно говорил весь его облик.

– В чём дело? – призвал Арег к порядку барашка, заметив, что тот недовольно фыркнул, когда мимо прошёл козлёнок, едва не коснувшись его морды. Козлёнок, впрочем, не обратил на того никакого внимания; приблизившись к телёнку, он лизнул его в нос своим маленьким, тонким языком и пристроился рядом, словно говоря: Чернуш – мой друг.

2

Арег воткнул хворостину в землю и по тени определил время: было около шести. До возвращения домой ещё два часа. Лучше почитаю, решил он.

Взял книгу, лёг в тени бугорка, упираясь головой в бок Чернуша. Каждый вдох и выдох телёнка мягко покачивал голову, и читать ему вдруг расхотелось. Метким взмахом руки отбил летевшего прямо на него здоровенного зелёного жука, из тех, что обычно садятся на цветущие верблюжьи колючки, и задремал. Всем своим существом почувствовал, что он тоже всего лишь камень, жук, аромат, трава, телёнок, ягнёнок, цветок, куст, речка – никакой разницы. И его снова переполнило глубокое сострадание ко всему: он жалел солнце,

потому что оно солнце, жалел небо, потому что оно небо, жалел камни, горы, деревья, ягнят, потому что они – то, что они есть; он испытывал постоянное чувство вины за то, что они таковы, и чтобы утешить, изо всех сил пытался представить себя солнцем, травой, облаком, червячком, листочком, деревом и собакой: словно только он стал самим собой по собственной воле, а всех прочих вынудили стать тем, что они есть. Мир несчастен, за это он его и любит. Почему это так, ему неизвестно. Доподлинно всё это знает лишь некий другой Арег, который незримо следит за ним: он не старше и не младше, у него нет возраста, и он всегда тут, рядом, и нет ничего такого, о чём бы он не знал. И эта его «тайна», хоть о ней и молчат, известна всему миру: это видно по взглядам людей, по их голосам, словам, и когда они зовут его по имени – «Арег!», и глядят его по голове, и улыбаются ему одному, – он безошибочно чувствует, что они имеют в виду не его, а именно того невидимку-Арега...

– Наш маленький старичок, – частенько говорила об Ареге мама, с улыбкой глядя, как он, малыш четырёх-пяти лет, по-взрослому заложив руки за спину, задумчиво вышагивает по двору.

Арег улыбнулся: теперь он уже большой, почти как «облако». Невольно повёл плечами, чтобы усесться поудобнее, словно желал убедиться, что он в самом деле большой, и устремил взгляд в небо. На нём не было ни облачка: то же самое неподвижно-сияющее небо – от горизонта до горизон-

та, только контуры гор уже чуть-чуть потускнели и орлы, что кружат над Ущельем Фиалок, спустились ниже. Они то пропадали из поля зрения, то появлялись вновь, и казалось, что само время застыло в ожидании чего-то важного. В той части горизонта, где в небо, подобно гигантскому клинку, возмилась острая вершина Красной горы, неожиданно появилось бледное белое облачко, пытавшееся, как застенчивая девушка, скрыть в густых волосах своё румяное лицо. Сердце Арега тревожно встрепелось. Астхик для него, вот как это облачко, далека и недоступна: она в небе, а он на земле, и эта мысль привела его в отчаяние. Он закрыл глаза, чтобы спрятать стыд, поскольку больше всего стыдился Чернуша, ягнят, даже травы и камней: казалось, всем им известны его мысли; он не стыдился только козлёнка, потому что козлёнок хотя и не понимал многого, но странным образом был на него очень похож, был его задушевым другом.

Арег не знал, что такое любовь. Когда случайно услышал фразу «я люблю тебя», она ему так понравилась, что он стал подыскивать случай, чтобы сказать кому-нибудь эти слова. И, впервые встретив в школе Астхик, почувствовал, что может сказать их только ей. Но когда однажды в школьном дворе радостно-решительно остановился перед нею, чтобы выпалить «я люблю тебя», язык точно присох к нёбу, и он не смог вымолвить ни слова. Он так и остался стоять перед Астхик, огорошенный и багрово-красный от смущения: тем, кого любишь, невозможно сказать «я тебя люблю». Почему? —

он до сих пор не может понять.

Тени камней и кустов заметно выросли, но пока не достигли той длины, когда нужно возвращаться домой. Его собственная тень – вот она: одиннадцать шагов. Нет, ещё слишком рано.

– Если проголодались, можете попасться, – предложил Арег Чернушу, – только далеко не отходите, а я пойду в ледник, немного снега поем.

Ледником он называл узкую и глубокую расщелину, в которую никогда не проникали лучи солнца и где всегда, даже в самые знойные летние дни, можно было найти снег. Арег заскользил вниз по крутому, лишённому растительности склону, и, когда достиг дна, ему показалось, что он покинул мир и оказался под землёй. Это была скрытая от глаз тесная дыра, ведущая в глубь мёрзлой почвы. В холодном полумраке смутно виднелась бесформенная масса покрытого ледяной коркой снега, напоминающая надгробный камень. Арег соскрёб пальцами смешанный с землёй верхний слой и вытащил из глубины снег незапятнанной белизны, он был влажен и в сжатой ладони легко превращался в комок. Арег слепил несколько таких снежков и набил ими карманы. Уже собирался уходить, когда ему вдруг почудилось, что из-под «надгробного камня» доносятся какие-то глухие, идущие издали звуки. Казалось, это голоса умерших, и Арега обуял ужас. Вспомнились слова покойной бабушки о том, что мертвецы под землёй так же живы, как и здравствующие на земле.

Он торопливо выбрался наверх. И когда снова оказался под лучами приветливого солнца, радости его не было предела: он живёт на земле, а не под землёй! На миг он представил, как, должно быть, ужасно подземное существование: холод, вечный мрак, люди двигаются впотьмах и не видят, а только окликают друг друга. У Арега даже сердце защемило от жалости к этим несчастным. Он поднёс к губам снежок, но съесть не смог. Вернулся, положил снежки на ледяную корку и выскочил наружу.

Уже наверху, на холме, ноздри ему защекотал густой аромат. По правую сторону открывался дугообразный косогор, окаймлённый приземистыми утёсами, у подножий которых желтели последние весенние обереги – так в здешних краях называют эти красивые пахучие цветы. Не ожидавший их увидеть Арег тут же побежал к утёсам. Оберег – его самый любимый цветок, потому что только он наделён такой обворожительной, такой чарующей скромностью; он необычайно красив, а его аромат может свести с ума, но при этом в нём нет и тени жеманства: сияет солнце или свистит ветер, он знай себе стоит, тихо склонив головку, и грустно лишь то, что ему отпущено всего три дня жизни на расцвет и увядание. «Они только что расцвели, ведь это поздние цветы, – подумал Арег, воодушевляясь и лаская обереги взглядом. – Будто меня дожидались». Он стал увлечённо рвать цветы, то и дело вдыхая их острый запах, и когда решил, что собранного достаточно, прошептал вполголоса:

– Остальное – в будущем году.

Внезапно из-под отколовшегося когда-то от скалы каменного пласта словно сверкнуло синее пламя. Он опустился на колени, сдвинул камень в сторону и – о, чудо! – обнаружил фиалку: несмотря на сломанный стебель, она была ещё жива, хотя чуточку поблёкла. Он осторожно поднял цветок и поместил его в середину букетика, лелея надежду, что обереги оживят его и вернут лепесткам прежнюю свежесть...

Ягнята уснули, не выдержав скуки ожидания, и только один барашек продолжал жевать с неизменным усердием. Чернуш поднялся на ноги, но не пасся, а задумчиво стоял на месте. Уставший козлёнок крепко спал, уткнув мордочку в колени. Арег сел на вершине бугра, высыпал цветы себе на колени и стал их складывать по одному в ладонь. Потом перевязал букетик стебельком пырея и пришёл в восторг: в центре красовалась окончательно проснувшаяся фиалка, а вокруг неё теснились обереги.

– Астхик отнесу, – прошептал он.

И тут же представил, как рано утром кладёт цветы в свой ранец, а потом в школе, улучив подходящий момент, тайком протягивает их Астхик и говорит: «Я люблю тебя». Астхик с улыбкой принимает букетик, вдыхает его аромат и еле слышно шепчет: «Я тоже тебя люблю». Картина получилась необыкновенно красивой, и Арег начал мысленно прокручивать её снова и снова, точь-в-точь как заучивают урок. Всё это время он блаженно улыбался, погружённый в мечты, и

так увлёкся, что не заметил, как переполошившиеся вдруг ягнята вскочили и стремглав устремились вниз, в глубь Ущелья Фиалок. Арег очнулся лишь тогда, когда снизу до него отчётливо донеслись чьи-то шаги и тяжёлое, шумное дыхание. Он положил цветы на траву и прикрыл их лоскутом, в который заворачивал хлеб, – точно боялся, что кто-то может проникнуть в его тайну.

Шумное дыхание выдавало приближение лошади. Арег вскочил на ноги, но никого не увидел. И хотя с минуты на минуту ожидал её появления, однако когда откуда-то снизу выросла внушительная фигура скачущего верхом Ванатура, вздрогнул и перепугался: вспомнил, что по его, Арега, вине ягнята потоптали ячменное поле.

– Ты чего своих ягнят проспал, парень? – обрушился на него громовой голос Ванатура. – Вон какие они у тебя толстые – нет на них жира даже с ноготь толщиной. Глянь сколько травы кругом, а ты бедную скотину к полю привёл. А если они раздуются да передохнут от ячменя? Папаша твой, небось, думает, что сына вырастил да к делу пристроил!..

Полевой сторож подъехал и остановился перед Арегом. Смешанное чувство стыда, восхищения и страха лишило Арега дара речи, он стоял и не мог отвести глаз от Ванатура, в руке которого была вовсе не изогнутая дубинка, как ему показалось издали, а длинная и толстая змея, которая лихорадочно извивалась вдоль крупа лошади, тщетно силясь поднять свой острый и тонкий хвост. Маленькая плоская го-

лова с открытой пастью была зажата между большим и указательным пальцами Ванатура, и Арег отчетливо увидел выпуклые, отливающие стекляннным блеском глаза змеи.

– Вон на той скале хотел прилечь и вздремнуть немного, да вдруг проснулся, вижу: змея обвила ногу моему Кайцаку², – лёгкая улыбка тронула губы Ванатура. – Решил – отнесу малышу, может быть, в школе ему пригодится. Ты ведь ученик? – мягко спросил он.

– Да... верно... – промямлил Арег.

– Вижу, ты уже совсем большой. Змей не боишься случайно?

– Нет... да... – Арег судорожно глотнул слюну.

– Значит, не хочешь? Ну если вашей школе она не нужна, то мне и подавно.

Небрежным движением Ванатур отшвырнул змею прочь, – та, шмякнувшись о землю, несколько мгновений оставалась неподвижной, а потом стремительно метнулась в траву и исчезла.

² Кайцак – молния (арм.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.